

членение в этих группах совпадает с синтаксической и семантической структурами, т.е. тема является подлежащим и семантическим субъектом.

Список литературы

1. Адамец, П. Порядок слов в современном русском языке. / П. Адамец. – Прага: Академия, 1966. – 96 с.
2. Арутюнова, Н.Д. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы. / Н.Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1976. – 386 с.
3. Балли, Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. / Ш. Балли. – 3-е изд. – М.: Иностранная литература, 1955. – 416 с.

РИТМИЧЕСКОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ: ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ПУНКТУАЦИИ

Н.П.Могиленских

The article deals with the problem of a rhythmical written speech organization. The most important terms in the sphere of punctuation development were discussed. The historical background of the punctuation system development in Russian, Belarusian, French and British English was described.

Начну с сенсации. Совсем недавно в Китае были обнаружены знаки, которые, по мнению археологов, могут быть примером древнейшей в истории письменности. По некоторым данным надписи на обнаруженных в западном Китае панцирях черепах были сделаны по крайней мере 8 600 лет назад. До сих пор считалось, что древнейшему образцу письменности около 6 000 лет. Если сообщения об уникальной находке подтвердятся, то можно будет утверждать, что люди умели писать еще в первобытном обществе. Комментировать это открытие с лингвистической точки зрения не представляется возможным. Мы считаем, что оно значимо с культурологической позиции, которая полагает, что появление письменности относится к периоду возникновения языкового сознания, а с ним и создания языковой картины мира. Учитывая приведенные выше сенсационные данные, этот период может быть определен каменным веком. История письменности длительностью более 8 000 лет поражает – по сути, это период сознательной познавательной деятельности человека, форма существования индивидуального, когнитивного сознания человека разумного, человека говорящего, человека общающегося, человека как социального существа, как личности.

С позиций информологии, человек, являясь сложной информационно-энергетической системой, призван воспринимать, перерабатывать и создавать

информацию. Это его врожденное свойство и, скорее всего, основное предназначение Homo sapiens на Земле. Человеческий организм представляет собой приемник и анализатор различных информационных потоков окружающего мира. В результате он сам становится источником информации. В данном контексте информация – это универсальное свойство предметов, явлений, процессов, заключающееся в способности воспринимать внутреннее состояние и воздействие окружающей среды, преобразовывать полученные сведения и передавать результаты обработки другим предметам, явлениям, процессам.

Вся собранная человечеством информация об окружающем мире за время его существования зафиксирована тем или иным способом, главным образом вербально. Объем письменных текстов на Земле в миллиарды раз превышает существующие проявления устной речи. В этой связи мы предлагаем несколько иной термин, чем «письменная речь». Представляется более точным и наглядным термин «записанная речь». Причем «записанная» не только на бумажных носителях, а и любым другим способом – на видео-электронных носителях. Тогда «устная речь» будет относиться лишь к речи в момент ее порождения и воспроизведения. Конечно же возникает вопрос необходимости такого разделения. Дело в том, что пространственно-временные рамки устной речи суживаются до «здесь» и «сейчас». Таким образом, культурноориентированные маркеры абсолютно прозрачны и не требуют специальной расшифровки.

Записанная речь, будь то диалог или монолог, или любой вид текста (синкретичный или синтетичный) всегда в пространственно-временной системе координат будет выражать «там» и «тогда», что подразумевает тщательное декодирование культурно-эпохальной ее принадлежности.

В настоящее время в лингвокультурологическом направлении идет интенсивная работа по определению возможностей «развертывания» информации, заключенной, как в письменной, так и в устной речи.

Учебники разных авторов полны классификациями параметров исследования в равной мере лингвистических и культурных характеристик письменной речи. В свою очередь, в нашей попытке адекватного раскрытия информации записанных текстов, мы стремимся создать комплексную систематизацию уже имеющихся теоретических моделей, что даст возможность разработать методологию выявления концептов культуры, проявляющихся в этих текстах.

Интонационно-ритмические особенности любого письменного текста в зависимости от его культурно-языковой принадлежности и соотношенности с определенным историческим периодом, являются важным смысловым

фактором заложенной в нем информации. Эти особенности, сами по себе сложные и многообразные, еще не нашли достойного освещения в лингвистической литературе, что, естественно, создает некий вакуум в изучении письменной речи.

Письменный текст (текст для чтения глазами) создан не так, как текст для восприятия на слух – он является шифровкой устного текста. Читатель дешифрует письменный текст в устную форму, придавая ему определенное интонационно-ритмическое звучание. Природа ритма письменного текста, таким образом, представлена довольно хорошо определяемыми физиологическими особенностями ее репродуцирования. Фонетика, призванная изучать характеристики звучащей речи, с письменным текстом связана опосредованно. Чисто физические его параметры меняются от пользователя к пользователю при декодировании письменной информации в устную в зависимости от ситуативных условий его воспроизведения. Неизменной остается базовая ритмическая структура текста. Любой получатель письменного текста будет дешифровать его с определенным ритмом.

Мы идем по пути расшифровки пунктуационных знаков, как древнейших показателей ритмико-интонационной структуры письменного текста.

Знаки препинания как пунктуационные системы того или другого языка имеют долгую историю. Начало использования пунктуации в письменных текстах Древней Руси датируется X-XI вв. К XV веку пунктуационные знаки уверенно приобретают устойчивое значение. Остромирово евангелие, один из немногих сохранившихся древнейших памятников письменности, содержало такие пунктуационные знаки, как точку, крест, змейцу (вертикальную волнистую черту). По рисунку эти знаки напоминают крыж и змейцу в древних нотах, к ним же относятся рог и скамийца. Характерной чертой подавляющей массы русских памятников XI-XIV вв. является отсутствие противопоставленности внутрифразовой и межфразовой пунктуации. Под вторым южнославянским влиянием графический арсенал русской пунктуации значительно обогатился. Начинают применять запятую, точку с запятой, двоеточие. Начали также различать точки разного вида: срока – точка в середине строки и собственно точка, которая ставится внизу, причем точки могли быть разного размера и цвета в зависимости от длины паузы, необходимой в этом месте [1]. Однако функционально точка и запятая часто не противопоставлены. Лаврентий Зизания в своей «Грамматике» посвятил специальную главу под названием «О точкахъ»: «Колико есть точок; шесть...кия суть имиже разделяем; запятая, срока, двуеточие и подстолия». Здесь подчеркивается определенной синтаксическое значение запятой как

знака, отделяющего часть высказывания, выражающего незаконченный смысл. Подстолья предложена автором в качестве вопросительного знака. «Како же подстолью разделяем: егда вопрошение деющей пишем ю. Ниже тако разделяем яко запятою или срокою, ниже съвершаемъ нею понеже въпроса ждѣть». Далее следует соединительный знак, который, в сущности, не является знаком препинания, но служит лишь знаком переноса части слова из одной строки в другую [2].

XVI-XVII вв. ознаменовались разграничением внутрифразовой и межфразовой пунктуации. Тогда же предпринимается попытка кодификации пунктуационных норм. Так, Лаврентий Зизания делает упор на смысловые признаки, Мелетий Смотрицкий же опирается в основном на интонацию. По сути «Грамматика» Мелетия Смотрицкого («Словенские грамматики синтагма») были своего рода вершиной коммуникативно-синтаксической пунктуации. Обогащение графического арсенала дало возможность осуществить этот подход более дифференцированно, обозначая не только отличие межфразовой границы от внутрифразового членений, но и иерархию знаков препинания, употребляемых внутри предложения, младшей среди знаков препинания объявляется черта, затем следует запятая, а после нее двоеточие.

Необходимо признать, что памятники русской письменности имели интонационный или более интонационный, чем теперь характер пунктуации. Конечно, «интонационность», «опора на ритм» - это не совсем то, что объективно подмечено исследователями: совершенно ясно, что они не слышали интонации XV-XVI вв., а реконструировали ее по смысловым отношениям, находящим отражение в форме слов, их расположением в тексте, наконец, в пунктуации. В течение XVI-XVII вв. процесс пополнения пунктуационных знаков в русской письменности продолжается: входят в употребление знаки вопросительный (вопросная подстольная) и восклицательный (удивная, прибыльца), кавычки и скобки, тире, многоточие (под названием «знака пресекательного»). Современный период истории русской пунктуации, характеризующийся конструктивно-синтаксическим принципом, следует отсчитывать от начала XIX века, хотя знание пунктуации не считалось обязательным, и большинство пишущих ставило знаки препинания по своему усмотрению. Начиная от Евграфа Филомафитского (1822 г.) все громче и громче раздавались призывы к применению единых, определенных и точных пунктуационных знаков [3].

История белорусской письменности начинается с середины XIII века, когда в западных русских землях появляются первые памятники письменности с отдельными чертами белорусского языка (например, Договорная грамота

смоленского князя Мстислава Давидовича с Ригой и Голандом от 1229 г., рукопись № 264 Чудовского собрания, хранящаяся в Москве в Отделе рукописей Государственного исторического музея, которая в литературе известна под названием Белорусского сборника XVI в. Чудова монастыря). Древнебелорусский язык за период Великого Княжества Литовского достиг редкой для того времени грамматической культуры. «Грамматика» Ивана Ужевича не только не завершает процесс латинизации древнего белорусского языка, а, наоборот, начинает качественно новое направление – вводит отечественную традицию в сферу общеевропейских знаний нового времени. Нормы старобелорусского языка в этот период вырабатывались на основе общерусских языковых традиций и важнейших особенностей живых говоров белорусского народа. Немаловажную роль в сближении книжно-письменного языка с живыми народными говорами сыграли виднейший белорусский первопечатник Ф.Скарына, а также В.Тяпинский, С.Будный, М.Смотрицкий, переведившие религиозные произведения на белорусский язык, пунктуация которых полностью соответствовала пунктуации памятников древнебелорусской письменности.

Французский писец античных времен не употреблял знаков препинания; долгое время слова писались слитно (так наз. *Scriptio continua*). Пунктуация зарождается в IV-V веках, когда начинают использовать пробел. Большинство латинских памятников снабжено знаками позже. Точка наверху строки называется *distinction maxima* и означает долгую остановку. Внизу строки ставился знак короткой паузы, так называемую *subdistinctio*, равносильный нашей запятой. Первые книги, оснащенные знаками пунктуации (точкой и запятой) были напечатаны во Франции в типографии Сорбонны в 1470 году. Вскоре появляется точка с запятой и двоеточие, затем начинают использовать апостроф, дефис и в 1540 г. – *accent aigue*. В 1550 году выходит в свет первый трактат о типографском искусстве, в котором предпринимаются первые шаги по пути унифицирования знаков препинания с точки зрения внешней формы и их применения в тексте. Однако окончательная стабилизация французской пунктуации, как и орфографии происходит только в XIX веке.

В памятниках письменности античных времен и периода раннего средневековья Британии единственным знаком препинания являлась точка для отделения предложений и слов одного от другого. Введение в употребление новых знаков пунктуации происходило в течение довольно долгого времени – с V в. по XV-XVI века нашей эры. Писцы при королевском дворце Ст.Джером и Алквин, ответственные за грамматическое и пунктуационное оформление Библии и литургических манускриптов, и два венецианских печатника, дед и внук, оба по имени Алдус Манутиус, разработали систему использования

знаков препинания, таких как запятая, двоеточие, точка с запятой. Джордж Путтинхем в «Art English Poesie» в 1589 году писал об улоупреблении пунктуационных знаков в качестве метрической маркировки текста. Однако такой декламаторский подход к пунктуации был заменен в XVII в. синтаксическим, представленным грамматистом Бэном Джонсоном в 1640 году в книге «English Grammar». Вплоть до XVII века пунктуационная разметка книг была достаточно беспорядочной и мало соотносилась с синтаксисом.

Большинство из пунктуационных знаков Англии относится к XV-XVI вв. и имеют греческое происхождение. Почти все они взяты из разметки стихотворных произведений, где ритм играл ведущую роль. До начала XVIII века наступает период грамматизации пунктуации, когда основополагающим фактором является грамматическая структура предложения. Различают два типа английской пунктуации: насыщенная пунктуация (heavy punctuation) и облегченная (light punctuation) [4].

Итак, пунктуация XIX века как в России и Беларуси, так и в Англии и Франции представляет собой до конца оформленную систему. Вся история развития пунктуации в рассматриваемых странах начиналась с ритмического оформления фразы и текста. В древнерусских и древнебелорусских текстах применялись нотные знаки того времени, что уже говорит само за себя; в английских ставились специальные знаки в местах, где надо перевести дыхание, сами же пунктуационные знаки были заимствованы из стихотворных произведений, где они играли роль маркера для декламации; во французских текстах применялись знаки для обозначения разной по длительности паузации. Первоначально во всех рассматриваемых языках действовали в качестве знаков препинания точки разной длительности и значимости (в зависимости от их расположения в середине строки, внизу и вверху), затем вводится запятая как одна из разновидностей точки для внутрифразового применения.

Таким образом, арсенал пунктуационных знаков в рассматриваемых языках исторически пополнялся довольно-таки параллельно. С течением времени и приобретением все более и более закрепленного за каждым знаком значения появляется четко выраженная синтаксическая зависимость употребления знаков пунктуации, что ни коем образом не повлияло на ритмическую организацию письменного текста, поскольку физиология порождения ритма письменной речи остается прежней; пунктуация является лишь индикатором чередования речи/пауз, то есть вдоха/выдоха автора записанного текста и его получателя.

Список литературы

1. *Осинов, Б.И.* История русской орфографии и пунктуации / Б.И.Осинов. - Новосибирск: НАУКА, 2003. - 251 с.
2. *Павленко, Н.А.* История письма / Н.А.Павленко. - Минск: Прогресс, 2000. - 178 с.
3. *Яскевіч, І.* Старабеларускія граматыкі / І.Яскевіч. - Минск: БГУ, 2001. - 40 с.
4. *McArthur, Tom.* The Oxford Companion to the English Language / Tom McArthur, - Oxford, New York, 2005. - 215 p.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МЕТАФОРА КАК ЭЛЕМЕНТ ПОЗНАНИЯ И СТРУКТУРИРОВАНИЯ МИРА

Т.Н. Нестерович

The goal of our research is to reveal the special features of the use of metaphors to describe economic phenomena of different countries during the world financial crisis, as well as intercultural peculiarities of conceptual metaphors and their linguistic interpretation. Publicistic pieces of writing strongly reflect economic, social, linguistic, and political changes. Therefore, a so called economic metaphor as a unit of language exercises pragmatic influence over the reader.

It should be noted that within the context of the world financial crisis one can observe a tendency of development of a conceptual economic metaphor: basic anthropocentric models are replaced by the models from such spheres as catastrophes and disasters, diseases, wars and conflicts, etc. Analysis of the examples helps to find out metaphorical similarities between languages, as well as research the differences in order to understand their nature.

Неугасаемый интерес исследователей к метафоре свидетельствует о сложности этого языкового явления и стимулируется ее уникальной способностью проникать в любые контексты, будучи одновременно средством языка и поэтической фигурой. В статье ставится задача проанализировать и систематизировать наиболее продуктивные типы используемых в медиадискурсе концептуальных метафор, которые направлены на представление современной экономической действительности.

Ученые отмечают, что центр тяжести в изучении метафоры переместился из филологии, в которой преобладали анализ и оценка художественной метафоры, в область изучения практической речи и в те сферы, которые обращены к мышлению, познанию и сознанию, а именно, к концептуальным системам [1, с. 5-6]. Следовательно, метафора как языковое выражение становится возможной, потому, что ею в значительной степени обуславливаются наше мышление, повседневный опыт и поведение. Тезис о том, что метафора – это фундаментальное свойство языка, один из важнейших инструментов познания, становится общим для современных исследователей.